

О ГРАНИЦАХЪ ЦЕРКВИ

Очень нелегко дать точное и твердое опредѣленіе раскола или схизмы (различаю «богословское опредѣленіе» отъ простаго «каноническаго описанія»). Ибо расколъ въ Церкви есть всегда нѣчто противорѣчивое и противоестественное, парадоксъ и загадка. Ибо Церковь есть единство. И все бытіе Ея въ этомъ единствѣ и единеніи, о Христѣ и во Христѣ. «Ибо всѣ мы единымъ Духомъ во единое тѣло крестились» (I Кор. XII. 13). И прообразъ этого единства есть Троическое единосущіе. Мѣра этого единства есть каѳоличность (или соборность), когда непроницаемость личныхъ сознаний смягчается и даже снимается въ совершенномъ единомысліи и единомушіи, и у множества вѣрующихъ бываетъ единое сердце и одна душа (срв. Дьян. IV. 32). Расколъ, напротивъ, есть уединеніе, обособленіе, утрата и отрицаніе соборности. Духъ раскола есть прямая противоположность церковности... Вопросъ о природѣ и смыслѣ церковныхъ раздѣленій и расколовъ былъ поставленъ во всей остротѣ уже въ приснопамятныхъ крещальныхъ спорахъ III-го вѣка. И св. Киприанъ Карфагенскій съ неустрашимой послѣдовательностью развилъ тогда ученіе совершенной безблагодатности всякаго раскола, и именно какъ раскола. Весь смыслъ и весь логическій упоръ его разсужденій былъ въ томъ убѣжденіи, что таинства установлены въ Церкви. Стало быть, только въ Церкви и совершаются, и могутъ совершаться, — въ общеніи и въ соборности. И потому всякое нарушеніе соборности и единства тѣмъ самымъ сразу же выводитъ за послѣднюю ограду, въ нѣкое рѣшительное «внѣ». Всякая схизма для св. Киприана есть уходъ изъ Церкви, изъ той священной и святой земли, гдѣ только и бьетъ крещальный источникъ, ключъ спасительной воды (quia una est aqua in ecclesia sancta, S. Сург. apist. LXXI, 2). Уче-

ніе св. Кипріана о безблагодатности расколовъ есть только обратная сторона его ученія о единствѣ и соборности... Здѣсь не мѣсто и не время припоминать и еще разъ пересказывать доводы и доказательства Кипріана. Каждый ихъ помнить и знаетъ, долженъ знать, долженъ былъ запомнить. Они не остыли до сихъ поръ... Историческое вліяніе Кипріана было длительнымъ и сильнымъ. И, строго говоря, въ своихъ богословскихъ предпосылкахъ ученіе св. Кипріана никогда не было опровергнуто. Даже Августинъ не такъ далекъ отъ Кипріана. Спорилъ онъ съ донатистами, не съ самимъ Кипріаномъ, и не Кипріана опровергалъ, — да и спорилъ онъ больше о практическихъ мѣрахъ и выводахъ. Въ своихъ разсужденіяхъ о Церковномъ единствѣ, о единствѣ любви, какъ о необходимомъ и рѣшающемъ условіи спасительнаго дѣйствія таинствъ, Августинъ собственно только повторяетъ Кипріана, въ новыхъ словахъ... Практическіе выводы Кипріана не были приняты и удержаны Церковнымъ сознаніемъ. И спрашивается: какъ это было возможно, если не были оспорены или отведены предпосылки... Нѣтъ надобности вдаваться въ подробности довольно неясной и запутанной исторіи каноническихъ отношеній Церкви къ раскольникамъ и еретикамъ. Достаточно установить, что есть случаи, когда самымъ образомъ дѣйствія Церковь даетъ понять, что таинства значимы и въ расколахъ, даже у еретиковъ, — что таинства могутъ совершаться и внѣ собственныхъ каноническихъ предѣловъ Церкви. Приходящихъ изъ расколовъ и даже изъ ересей Церковь приѣмлетъ обычно не черезъ крещеніе, очевидно подразумѣвая или предполагая, что они уже были дѣйствительно окрещены раньше, въ своихъ расколахъ и ересяхъ. Во многихъ случаяхъ Церковь приѣмлетъ присоединяющихся и безъ мѣропомазанія, а клириковъ нерѣдко и «въ сущемъ санѣ», что тѣмъ болѣе приходится понимать и толковать въ смыслѣ признанія значимости или реальности соответственныхъ священнодѣйствій, совершенныхъ надъ ними «внѣ Церкви». Но, если таинства совершаются, то только Духомъ Святымъ... Каноническія правила устанавливають или вскрывають нѣкій мистическій парадоксъ. Образомъ своихъ дѣйствій Церковь какъ бы свидѣтельствуєтъ, что и за каноническимъ порогомъ еще простирается Ея мистическая территорія, еще не сразу начинается «внѣшній міръ»... Св. Кипріанъ былъ правъ: таинства совершаются только въ Церкви. Но это «въ» онъ опредѣлялъ поспѣшно и слишкомъ тѣсно. И не приходится ли заключать скорѣе въ обратномъ порядкѣ: гдѣ совершаются таинства, тамъ Церковь... Св. Кипріанъ исходилъ изъ молчаливаго предположенія, что каноническая граница Цер-

кви есть всегда и тѣмъ самымъ граница харизматическая. И вотъ это недоказанное отождествленіе не было подтверждено соборнымъ самосознаніемъ. Церковь, какъ мистическій организмъ, какъ таинственное «тѣло Христово», не можетъ быть описана адекватно въ однихъ только каноническихъ терминахъ или категоріяхъ. И подлинныя границы Церкви нельзя установить или распознать по однимъ только каноническимъ признакамъ или вѣхамъ. Очень часто каноническая грань указываетъ и харизматическую, — и связуемое на землѣ затягивается неразрѣшимымъ узломъ и въ небесахъ. Но не всегда. Еще чаще: не сразу. Въ своемъ сакраментальномъ или мистериальномъ бытіи Церковь вообще превышаетъ каноническія мѣры. Потому каноническій разрывъ еще не означаетъ сразу же мистическаго опустошенія и оскудѣнія... Все, что Киприанъ говорилъ о единствѣ Церкви и таинствъ можетъ быть и должно быть принято. Но не слѣдуетъ вмѣстѣ съ нимъ обводить послѣдній контуръ Церковнаго тѣла по однѣмъ только каноническимъ точкамъ...

И здѣсь возбуждается общій вопросъ и сомнѣніе. Подлежатъ ли эти каноническія правила и дѣйствія богословскому обобщенію. Можно ли предполагать за ними богословскіе или догматическіе мотивы и основанія. Или въ нихъ сказывается скорѣе только пастырское усмотрѣніе и снисхожденіе. Не слѣдуетъ ли понимать каноническій образъ дѣйствій скорѣе въ смыслѣ снисходящаго умолчанія о безблагодатности, чѣмъ въ смыслѣ признанія реальности или значимости схизматическихъ священнодѣйствій. И потому врядъ ли осторожно привлекать или вводить каноническіе факты въ богословскую аргументацію... Это возраженіе связано съ теоріей такъ наз. «и к о н о м і и (*)»... Въ обычномъ церковномъ словоупотребленіи *οἰκο-*

*) Ученіе о церковной «икономіи» развито всего больше въ греческой богословской литературѣ. Отмѣчу только: Χρ. Ἀνδρουτσος, Δογματικὴ τῆς ὀρθοδόξου ἀνατολικῆς, Ἐκκλησίας ἐν Αθ. 1907, σελ. 306 κτλ.; Κ. Ι. Δουβουνιάτης, Τὰ μυστήρια τῆς ἀνατολικῆς ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας, ἐν Αθ. 1913, σελ. 162 κτλ.; е го - же, The Principle of Economy, the Church Quarterly Rev., No 231, April. 1933; срв. F. Gavin, Some aspects of contemporary Greek orthodox thought, 19, p. 292 ff.; Z. Sprasil, S. J., Doctrina theologiae Orientis septipara de Sacramento baptismi, Orientalia Christ. VI, 4, R. 1926. Въ русской богословской наукѣ подобной точки зрѣнія придерживались немногіе. Срв. переписку М. Антонія съ Р. Гардинеромъ, въ журналѣ «Вѣра и Разумъ», 1915, 4, 17; 1916. 8-9, 12, и особенно статью А. Иларіона, Единство Церкви и всемірная конференція христіанства, Богословскій Вѣстникъ, 1917, январь. Еще см. J. A. Douglas, The relations of the Anglican Churches with the Eastern-Orthodox, L. 1921, p. 51 ff.; The Orthodox Principle of Economy and its exercise, The Christian East, XIII. 3-4, 1932, и Economie Intercommunion — въ Report of the Committee to consider the findings of Laris. Conf.

νομία есть терминъ очень многозначный. Въ самомъ широкомъ смыслѣ «икономія» охватываетъ и означаетъ все дѣло спасенія (срв. *Колосс. I. 25; Ефес. I. 10; III. 2. 9.*). Вульгата передаетъ обычно : *dispensatio* (*). Въ каноническомъ языкѣ «икономія» не стало терминомъ. Это скорѣе описательное слово, нѣкая общая характеристика, — «икономія» противопоставляется «акривіи», какъ нѣкое смягченіе церковной дисциплины, какъ нѣкое «изъятіе» или исключеніе изъ «строгаго права» (*jus strictum*) или изъ подъ общаго правила. И движущій мотивъ «икономіи» есть именно «филантропія», пастырское усмотрѣніе, педагогическій расчетъ, — всегда доводъ отъ рабочей полезности. «Икономія» есть скорѣе педагогическій принципъ, нежели каноническій. «Икономія» есть пастырскій коррективъ каноническаго сознанія. И упражнять «икономию» можетъ и долженъ уже каждый отдѣльный пастырь въ своемъ приходѣ, еще болѣе епископъ и соборъ епископовъ. Ибо «икономія» и есть пастырство, и пастырство есть «икономія»... Въ этомъ вся сила и жизненность «икономическаго» принципа. Но въ этомъ и его ограниченность. Не всякій вопросъ можетъ быть поставленъ и рѣшенъ въ порядкѣ «икономіи»... И вотъ спрашивается: можно ли ставить вопросъ о раскольникахъ и еретикахъ, какъ вопросъ одной только «икономіи»... Конечно, поскольку рѣчь идетъ о приобрѣтеніи заблудшихъ душъ для каѳолической истины, о методахъ ихъ приведенія «въ разумъ истины»; все дѣйствование должно быть «икономическимъ», т. е. пастырскимъ, со-распинающимся, любовнымъ. Подобааетъ оставить девяносто девять, и искать заблудшую овцу... Но тѣмъ болѣе требуется при этомъ полная искренность и прямота... И не только въ области догматовъ требуется эта недвусмысленная точность, строгость и ясность, т. е. именно «акривія», — ибо какъ иначе достигнуть единомыслія. Точность и ясность необходимы прежде всего въ мистическомъ діагнозѣ. Именно поэтому вопросъ о священнодѣйствіяхъ раскольниковъ и еретиковъ долженъ быть поставленъ и обсужденъ въ порядкѣ самой строгой акривіи. Ибо здѣсь не столько *quaestio juris*, сколько *quaestio facti*, — и вопросъ о мистическомъ фактѣ, о сакраментальной реальности. Рѣчь идетъ не столько о «признаніи», сколько именно о діагнозѣ, — нужно именно *узнать* или *распознать*... Именно съ радикальной точки зрѣнія св. Кипріана всего менѣе совмѣстима «икономія» въ данномъ вопросѣ. Если за каноническими границами Церкви сразу же начинается безблагодат-

---

*) Срв. A. d' A l e s , Le mot *oikonomia* dans la langue théologique de St. Irenée, *Revue des études grecques*, t. XXII, 1919, p. 1—9.

ная пустота, и схизматики вообще и крещены не были, и все еще пребываютъ въ до-крещальномъ мракѣ, тѣмъ болѣе необходима въ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ Церкви совершенная ясность, строгость, настойчивость. И никакое «снисхожденіе» здѣсь неумѣстно, и просто невозможно, и никакія уступки непозволительны... Можно ли допустить, въ самомъ дѣлѣ, что Церковь принимаетъ тѣхъ или иныхъ раскольниковъ, и даже еретиковъ, въ свой составъ не черезъ крещеніе только для того, чтобы облегчить имъ ихъ рѣшительный шагъ... Во всякомъ случаѣ, это была бы очень опасная и опрометчивая уступчивость. Это было бы скорѣе потворство человѣческой слабости, самолюбію и маловѣрью, — и потворство тѣмъ болѣе опасное, что оно создаетъ всю видимость церковнаго признанія схизматическихъ таинствъ или священнодѣйствій значимыми, и не только въ воспріятіи схизматиковъ или внѣшнихъ, но и въ сознаніи самого церковнаго большинства, и даже властей церковныхъ. И болѣе того, — этотъ образъ дѣйствія потому и примѣняется, что онъ создаетъ эту видимость... Если бы дѣйствительно, Церковь была увѣрена до конца, что въ расколахъ и ересяхъ крещеніе не совершается, съ какою бы цѣлію воссоединяла она схизматиковъ безъ крещенія... Неужели же только для того, чтобы такимъ образомъ избавить ихъ отъ ложнаго стыда въ открытомъ признаніи, что они не были еще крещены?.. Неужели же можно такой мотивъ признать достойнымъ, убѣдительнымъ и благословнымъ?.. Неужели же это къ пользѣ новоначальныхъ воссоединять ихъ чрезъ двусмысленность и умолчаніе.... На справедливое недоумѣніе, нельзя ли, по аналогіи, присоединять къ Церкви безъ крещенія и евреевъ, и магометанъ, «по икономіи», митр. Антоній отвѣчалъ съ полной откровенностью: «Вѣдь всѣ такіе неофиты, а равно и крещенные во имя Монтана и Прискиллы, и сами не будутъ претендовать на вступленіе въ Церковь безъ погруженія съ произношеніемъ словъ: «Во имя Отца» и проч. Таковую претензію по неясному пониманію Церковной благодати могутъ имѣть только тѣ раскольники и еретики, которыхъ крещеніе, богослуженіе и іерархическій строй по внѣшности мало отличается отъ церковнаго: имъ очень обидно при обращеніи въ Церковь становиться на одну доску съ язычниками и іудеями. Вотъ поэтому Церковь, снисходя къ ихъ немоци, не исполняла надъ ними внѣшняго дѣйствія крещенія, воздавая имъ эту благодать во второмъ таинствѣ» (*Вѣра и Разумъ*. 1916. 8-9, с. 887-888). Переписываю эту тираду съ горестнымъ недоумѣніемъ. Изъ доводовъ митр. Антонія, по здравому смыслу, слѣдовало бы сдѣлать выводъ, какъ разъ обратный его выводу. Чтобы привести немощныхъ и неразумныхъ «неофитовъ» къ недостающему имъ «ясному пониманію церковной благодати»,

тѣмъ болѣе необходимо и умѣстно «исполнять надъ ними внѣшнее дѣйствіе крещенія», вмѣсто того, чтобы притворнымъ приспособленіемъ къ ихъ «обидчивости» подавать имъ и другимъ многимъ не только поводъ, но и основаніе обманываться и впредь тѣмъ двусмысленнымъ фактомъ, что ихъ «крещеніе, богослуженіе и іерархическій строй по внѣшности мало отличается отъ церковнаго». И спрашивается, кто далъ Церкви это право даже не измѣнять, но по-просту отмѣнять «внѣшнее дѣйствіе крещенія», совершая его въ подобныхъ случаяхъ только умственно, подразумевательно или интенціонально, — во время совершенія «второго таинства» (надъ некрещенымъ...). Конечно, въ особыхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ «внѣшнее дѣйствіе» («форма») можетъ быть даже отмѣняемо, — таково мученическое крещеніе кровію, или даже такъ наз. *baptisma flaminis*. Однако, это допустимо только *in casu necessitatis*... И врядъ-ли здѣсь есть какая-нибудь аналогія съ систематическимъ потворствомъ чужой обидчивости и самообману... Если «икономія» есть пастьрское усмотрѣніе, ведущее къ пользѣ и спасенію душъ человѣческихъ, то въ подобномъ случаѣ можно было бы говорить только объ «икономіи наизнанку». Это было бы нарочитымъ отступленіемъ въ двусмысленность и неясность, — и ради внѣшняго успѣха, такъ какъ внутренняго воцерковленія «неофитовъ» не можетъ произойти при такомъ замалчиваніи. Врядъ ли можно вмѣнять Церкви подобную превратную и лукавую интенцію. И, во всякомъ случаѣ, практической результатъ этой «икономіи» нужно признать вполне неожиданнымъ: въ самой Церкви у большинства сложилось убѣжденіе, что таинства и у схизматиковъ совершаются, что и въ расколахъ есть значимая (хотя и запрещенная) іерархія. Истинное намѣреніе Церкви въ ея дѣйствіяхъ и правилахъ распознавать и различать оказывается слишкомъ трудно. И съ этой стороны «икономическое» толкованіе этихъ правилъ нужно признать неправдоподобнымъ... Еще больше затрудненій вызываетъ это «икономическое» толкованіе со стороны своихъ общихъ богословскихъ предпосылокъ. Врядъ ли можно усваивать Церкви власть и право какъ бы вмѣнять не-бывшее въ бывшее, «превращать ничтожное въ значимое» (какъ выражается проф. Діовуніотисъ, Ch. R., p. 97), — «въ порядкѣ икономіи»... Особенно острымъ оказывается тогда вопросъ о возможности принятія схизматическихъ клириковъ «въ сущемъ санѣ». Въ Русской Церкви приходящіе изъ Римскаго католицизма, или изъ несторіанства и под., принимаются въ общеніе «чрезъ отреченіе отъ ересей», т. е. въ таинствѣ покаянія. Клирикамъ отпущеніе даетъ епископъ, и тѣмъ самымъ снимаетъ лежащее на схизматическомъ клири-

къ запрещеніе. Спрашивается: можно ли допустить, что въ этомъ разрѣшеніи и отпущеніи грѣховъ молчаливо (и даже потаенно) совершается вмѣстѣ и стяжанно крещеніе, конфирмація, и рукоположеніе, діаконское или священническое, иногда и епископское, — при томъ безъ всякой «формы» или яснаго и отличительнаго «внѣшняго дѣйствія», которое бы помогло замѣтить и сообразить, какія же таинства совершаются. Здѣсь двоякая неясность: и со стороны мотивовъ, и со стороны самого факта. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, совершать таинства силой одной только «интенціи», безъ видимаго дѣйствія. Врядъ ли. И не потому, что «формѣ» принадлежитъ какое то самодовлѣющее или «магическое» дѣйствіе. Но именно потому, что въ тайнодѣйствіи «внѣшнія дѣйствія» и наитіе благодати существенно нераздѣльны и неразрывны... Конечно, Церковь есть сокровищница благодати, и Ей дана власть блюсти и преподавать эти благодатные дары (Церковь есть *ὁ ταμιοῦχος τῆς χάριτος*, какъ говорятъ греческіе богословы). Но власть Церкви не распространяется на самыя основоположенія христіанскаго бытія... И врядъ ли возможно думать, что Церковь въ правѣ, «въ порядкѣ икономіи», допускать къ священнослуженію безъ рукоположенія глаголемыхъ клириковъ схизматическихъ исповѣданій, даже не сохранившихъ «апостольскаго преемства», восполняя даже не изъяны, но именно полную безблагодатность только въ порядкѣ власти, намѣренія и признанія, къ тому же недосказаннаго... Не оказывается ли въ подобномъ истолкованіи и весь вообще сакраментальный строй Церкви слишкомъ растяжимымъ и мягкимъ... И врядъ ли достаточно остороженъ былъ даже Хомяковъ, когда въ защиту греческой новой практики принимать возобъединяемыхъ латинянъ черезъ крещеніе писалъ В. Пальмеру такъ. «Всѣ таинства могутъ окончателно совершаться лишь въ нѣдрахъ Православной Церкви. Въ какой формѣ они совершаются, — дѣло второстепенное. Примиреніемъ (съ Церковью) таинство возобновляется или довершается въ силу примиренія; несовершенный еретическій обрядъ получаетъ полноту и совершенство православнаго таинства. Въ самомъ фактѣ или обрядѣ примиренія заключается въ сущности (*virtualiter*) повтореніе предшествовавшихъ таинствъ. Слѣдовательно, видимое повтореніе крещенія или мвропомазанія, хотя и ненужное, не имѣетъ характера заблужденія, оно свидѣтельствуеетъ о различіи въ обрядѣ, но не въ понятіяхъ»... (Хомяковъ, Сочиненія, т. II, 1900, с. 345). Здѣсь мысль двоится. «Повтореніе» таинства не только излишне, но и непозволительно. Если же «таинства» не было, но былъ выполненъ раньше «несовершенный еретическій обрядъ», то

таинство необходимо совершить впервые, и при томъ съ полной откровенностью и очевидностью. Каеолоическія таинства во всякомъ случаѣ не только обряды, и можно ли съ такимъ дисциплинарнымъ релятивизмомъ обращаться съ «внѣшней» стороной тайнодѣйствій.. «Икономическое» толкованіе канонѡвъ могло бы быть убѣдительнымъ и правдоподобнымъ только при прямыхъ и совершенно ясныхъ доказательствахъ. Между тѣмъ, обычно оно подкрѣпляется именно косвенными данными, и всего больше домыслами и заключеніями. «Икономическое» толкованіе не есть ученіе Церкви. Это есть только частное «богословское мнѣніе», очень позднее и спорное, возникшее въ періодъ богословской растерянности и упадка, въ торопливомъ стремленіи какъ можно рѣзче размежеваться съ Римскимъ богословіемъ...

Римское богословіе допускаетъ и признаетъ, что и въ расколахъ остается значимая іерархія и даже, въ извѣстномъ смыслѣ, сохраняется «апостольское преемство», такъ что таинства, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ совершаться и дѣйствительно совершаются у схизматиковъ и даже у еретиковъ. Основныя предпосылки этого сакраментальнаго богословія были съ достаточной опредѣленностью установлены еще блаж. Августиномъ. И православный богословъ имѣетъ всѣ основанія учеть богословіе Августина въ своемъ доктринальномъ синтезѣ... Первое, что у Августина привлекаетъ вниманіе, — вопросъ о значимости таинствъ Августина органически связываетъ съ общимъ ученіемъ о Церкви. Дѣйствительность таинствъ, совершаемыхъ у схизматиковъ, означаетъ для Августина непрерывность связей съ Церковью. Онъ прямо утверждаетъ, что въ таинствахъ раскольниковъ дѣйствуетъ Церковь, — однихъ Она рождаетъ у себя, другихъ рождаетъ внѣ, отъ служанки, — и именно потому значимо схизматическое крещеніе, что совершаетъ его Церковь (см. *S. August. de bapt. I, 15, 23*). Значимо въ расколахъ то, что въ нихъ и зъ Церкви, что и въ ихъ рукахъ остается достояніемъ и святыней Церкви, и черезъ что и они еще съ Церковью, *in quibusdam rebus nobiscum sunt...* Единство Церкви созидается двоякой связью: «единство Духа» и «союзъ мира» (срв. *Ефес. IV. 3*). И вотъ, «союзъ мира» разрывается и расторгается въ расколѣ и раздѣленіи, — но «единства Духа» въ таинствахъ еще не прекращается. Въ этомъ своеобразный парадоксъ раскольничьяго бытія: расколъ остается соединеннымъ съ Церковью въ благодати таинствъ, это обращается въ осужденіе, разъ изсякаетъ любовь и соборная взаимность. И съ этимъ связано второе основное различеніе блаж. Августина, различеніе «значимости» (или «дѣйствительности», реальности) и «дѣйственности» таинствъ. Таинства схизматиковъ

значимы, т. е. подлинно суть таинства. Но эти таинства не-дѣйственны (non-efficacia), въ силу самого раскола или отдѣленія. Ибо въ расколѣ и раздѣленіи изсякаетъ любовь, — но внѣ любви спасеніе невозможно... Въ спасеніи двѣ стороны: объективное дѣйствіе благодати и субъективный подвигъ или вѣрность. Въ расколахъ еще дышетъ Духъ Святой и освящающій. Но въ упорствѣ и немочи схизмы исцѣленіе не исполняется. Невѣрно сказать, что въ схизматическихъ священнодѣйствіяхъ ничто вообще не совершается, — ибо, если признать въ нихъ пустыя дѣйствія и слова, лишенная благодати, тѣмъ самымъ они не только пусты, но превращаются въ нѣкую профанацію и зловѣщій подлогъ. Если священнодѣйствія схизматиковъ не суть таинства, они есть кощунственная карриатура. И тогда невозможно ни «икономическое» умолчаніе, ни «икономическое» покрытіе грѣха. Сакраментальный обрядъ не можетъ быть только обрядомъ, пустымъ, но невиннымъ. Таинство совершается дѣйствительно... Но нельзя сказать и того, чтобы таинства «пользовали» въ расколахъ. Именно потому, что таинства не суть «магическіе акты»... Вѣдь и принимать Евхаристію можно также и «въ судъ и во осужденіе». Но это не опровергаетъ реальности или «значимости» самого Евхаристическаго тайнодѣйствія... И то-же можетъ быть сказано даже о крещеніи: крещальная благодать должна быть обновляема въ непрестанномъ подвигѣ и служеніи, иначе она останется именно «без-дѣйственной». Съ этой точки зрѣнія св. Григорій Нисскій съ большой энергіей обличалъ привычку откладывать крещеніе до смертнаго часа или до преклонныхъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ, чтобы не загрязнять крещальныхъ ризъ. Онъ переноситъ удареніе: Крещеніе есть не только конецъ грѣшнаго бытія, но всего болѣе начало. И крещальная благодать есть не только оставленіе грѣховъ, но и даръ или залогъ подвига. Имя занесено въ воинскіе списки. Но честь воина въ его подвигахъ, не въ одномъ только званіи. И что значитъ крещеніе безъ подвиговъ... Не иное что хочетъ сказать и Августинъ своимъ различеніемъ «характера» и «благодати». И во всякомъ случаѣ на всякомъ окрещенномъ остается нѣкій «знакъ» или «печать», даже если онъ отпадетъ и отступитъ, и объ этомъ «знакѣ» или залогѣ каждый будетъ истязанъ въ Судный день. Окрещенные отличаются отъ не-крещеныхъ, даже тогда, если крещальная благодать и не расцвѣла въ ихъ подвигѣ и дѣлахъ, если всю жизнь свою они растлили и растратили впустѣ. Это есть нестираемый слѣдъ Божественнаго прикосновенія... Для всего сакраментальнаго богословія блаж. Августина характерно это ясное различеніе двухъ нераздѣльныхъ факторовъ сакраментальнаго бытія: благодать Божія и любовь человѣка. Но совершается

таинство благодатию, а не любовью. Однако, спасется человекъ въ свободѣ, а не въ насиліи, — и потому внѣ соборности и любви благодать какъ то не разгорается животворнымъ пламенемъ... Остается неяснымъ: какъ же продолжается дѣйствіе Духа за канонической оградой Церкви. Какъ значимы таинства внѣ общенія... Похищенные таинства, таинства въ рукахъ похитителей... Позднѣйшее римское богословіе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ ученіемъ о дѣйствительности таинствъ *ex opere operato* (въ противоположеніи: *ex opere operantis, scilicet ministri*). У Августина этого различенія нѣтъ. Но понималъ онъ значимость таинствъ внѣ каноническаго единства въ томъ же смыслѣ. Вѣдь и *opus operatum* означаетъ прежде всего независимость таинства отъ личнаго дѣйствія священнослужителя, — совершаетъ таинства Церковь и въ ней Христосъ — Первосвященникъ. Таинства совершаются по молитвѣ и дѣйствіемъ Церкви, — *ex opere operantis et operantis Ecclesiae*. И въ т а к о м ъ смыслѣ ученіе о значимости *ex opere operato* должно быть принято... Для Августина не такъ было важно, что у схизматиковъ таинства «незаконны» и «не-дозволены» («*illicita*»), — гораздо важнѣе, что схизма есть расточеніе любви... Однако, Любовь Божія перекрываетъ и преодолагаетъ не-любовь человеческую. И въ самихъ расколахъ (и даже у еретиковъ) Церковь продолжаетъ творить свое спасающее и освящающее дѣйствіе... Можетъ быть, и не слѣдуетъ говорить, что схизматики е щ е въ Ц е р к в и , — это, во всякомъ случаѣ, не очень точно и звучитъ двусмысленно. Вѣрнѣе сказать: въ схизмахъ продолжаетъ дѣйствовать Церковь, — въ ожиданіи таинственнаго часа, когда растопится упорствующее сердце въ теплѣ «предваряющей благодати», — и вспыхнетъ и разгорится воля или жажда соборности и единства... «Значимость» таинствъ у схизматиковъ есть таинственный залогъ ихъ возвращенія въ каеолическую полноту и единство... Сакраментальное богословіе блаж. Августина не было воспринято Восточной Церковью въ древности, не было воспринято и Византійскимъ богословіемъ, не потому, что въ немъ видѣли или подозрѣвали что-нибудь чуждое или излишнее. Августина вообще не очень знали на Востокѣ... Въ новѣйшее время на православномъ Востокѣ и въ Россіи нерѣдко ученіе о таинствахъ излагали съ Римскаго образца, — и это не было еще творческимъ усвоеніемъ Августиновской концепціи... Современное православное богословіе должно осознать и истолковать традиціонную каноническую практику Церкви въ отношеніи къ еретикамъ и раскольникамъ на основѣ тѣхъ общихъ предпосылокъ, которыя были установлены еще Августиномъ...

Нужно твердо запомнить: утверждая «значимость» таинствъ и самой іерархіи въ расколахъ, блаж. Августинъ нисколько

не смягчалъ и не стиралъ грани, разграничивающей р а с к о л ъ и соборность. Это не столько каноническая, сколько духовная грань, — соборная любовь въ Церкви или сепаратизмъ и отчужденіе въ схизмахъ. И это, для Августина, — грань спасенія... Ибо, вѣдь, благодать дѣйствуетъ, но не спасаетъ внѣ соборности... (Кстати замѣтить, — и здѣсь Августинъ близко слѣдуетъ за Киприаномъ, утверждавшимъ, что не въ Церкви и самое мученичество за Христа не пользуется)... Вотъ почему, при всей «реальности» и «значимости» схизматической іерархіи, нельзя говорить въ строгомъ смыслѣ о сохраненіи «апостольскаго преемства» за предѣлами канонической соборности. Этотъ вопросъ съ исчерпывающей полнотой и съ большимъ проникновеніемъ изслѣдованъ въ замѣчательной статьѣ покойнаго К. Г. Тернера, *Apostolic Succession*, въ сборникѣ: *Essays on the Early History of the Church and the Ministry*, ed - by Н. В. Surtè (1918). И отсюда съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что не можетъ быть принята такъ наз. Church-branch-theory. Эта теорія слишкомъ благодушно и благополучно изображаетъ расколъ Христіанскаго міра. Сторонній наблюдатель, можетъ быть, и не сразу различитъ «схизматическія» вѣтви отъ самого «каѳолическаго» ствола. И, однако, въ существѣ своемъ «схизма» не есть т о л ь к о в ѣ т в ь . Есть еще и воля къ с х и з м ѣ ... Есть таинственная и даже загадочная область за канонической границей Церкви, гдѣ еще совершаются таинства, гдѣ сердца такъ часто горятъ и пламенѣютъ и въ вѣрѣ, и въ любви, и въ подвигѣ... Это нужно признать, но нужно помнить и то, что граница реальна, что единенія нѣтъ... Хомяковъ говорилъ, кажется, именно объ этомъ. «Такъ какъ Церковь земная и видимая не есть еще полнота и совершеніе всей Церкви, которымъ Господь назначилъ явиться при конечномъ судѣ всего творенія, то она творитъ и вѣдаетъ только въ своихъ предѣлахъ, не судя остальному человѣчеству (по словамъ апостола Павла къ Коринѳянамъ) и только признавая отлученными, т. е. не принадлежащими Ей, тѣхъ, которые сами отъ Нея отлучаются. Остальное же человѣчество, или чуждое Церкви, или связанное съ Нею узами, которыя Богъ не изволилъ Ей открыть, предоставляетъ Она суду великаго дня» (*Церковь одна*, § 2)... И въ томъ-же смыслѣ митр. Филаретъ Московскій рѣшался говорить о Церквахъ «не чисто истинныхъ». «Знай же — никакую Церковь, вѣрующую, яко Іисусъ есть Христосъ, не дерзну я назвать ложною. Христіанская церковь можетъ быть токмо либо чисто-истинная, исповѣдующая истинное и спасительное Божественное ученіе безъ примѣшенія ложныхъ и вредныхъ

мнѣній человѣческихъ, либо не чисто-истинная, примѣшивающая къ истинному и спасительному вѣры Христовой ученію ложныя и вредныя мнѣнія человѣческія» (*Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи Восточной Греко-Россійской Церкви*, Москва, 1833, с. с. 27-29). «Ты ожидаешь теперь, какъ я буду судить о другой половинѣ нынѣшняго христіанства», говоритъ митр. Филаретъ въ заключительномъ разговорѣ. «Но я только просто смотрю на нее. Отчасти усматриваю, какъ Глава и Господь Церкви врачуетъ многія и глубокія уязвленія древняго змія во всѣхъ частяхъ и членахъ сего тѣла, прилагая то кроткія, то сильныя врачевства, и даже огонь и желѣзо, дабы смягчить ожестѣніе, дабы извлечь ядъ, дабы очистить раны, дабы отдѣлить дикіе наросты, дабы обновить духъ и жизнь въ полумертвыхъ и онѣмѣвшихъ составахъ. И такимъ образомъ я утверждаюсь въ вѣрованіи тому, что сила Божія наконецъ очевидно восторжествуетъ надъ немощами человѣческими, благо надъ зломъ, единство надъ раздѣленіемъ, жизнь надъ смертію» (с. 135)... Это есть только заданіе или общая характеристика. Въ ней не все ясно и досказано. Но вѣрно поставленъ вопросъ. Есть много связей, еще не перерванныхъ, которыми схизмы удерживаются въ нѣкоемъ единствѣ... И все вниманіе и вся воля должна быть собрана и обращена къ тому, чтобы истощилось упорство раздора. «Мы домогаемся не побѣды, а возвращенія братьевъ, разлука съ которыми терзаетъ насъ» (слова св. Григорія Богослова)...*)

Священникъ Георгій Флоровскій.

День преп. Сергія

5-18. VII. 1933.

---

*) Срв. также только-что изданный сборникъ: «Христіанское возсоединеніе. Экуменическая проблема въ православномъ сознаніи», Парижъ, 1933, — и въ немъ особенно статью о. С. Булгакова: У кладезя Іаковля, О реальномъ единствѣ раздѣленной Церкви въ вѣрѣ, молитвѣ и таинствахъ. См. выше мою статью: Проблематика Христіанскаго Возсоединенія, въ журналѣ «Путь», кн. 37, февр. 1933 (по русски).